

АМАСИЙСКИЙ Н. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АМАСИЙСКИЙ Николай Николаевич, родился в 1889. Учился в духовном училище и духовной семинарии. С 1908 — служил псаломщиком, с 1911 — диаконом, с 1917 — священником, с 1922 — служил в церкви Пугачева Саратовской области. 2 октября 1934 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Семиярск Семипалатинской области. В апреле 1936 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<25 апреля 1936>

«Председательнице Международного Общества
Красного Креста Е. П. Пешковой

адм<инистративно> ссыльного
Амасийского Николая Николаевича,
проживающего в Семипалатинской
области, п<очтовое> о<тделение>
Семиярск, поселок "Мойка"

Заявление

Разрешите обратиться к Вам с нижеследующим ходатайством, как к Председательнице Международного Общества Красного Креста. Я нахожу, что дело мое, как подсудимого, прошло более не по моим личным проступкам, а скорее о стихийном порядке — отчасти по ликвидации классов (я бывший священник), отчасти по усилившемуся режиму в связи с бесчестным убийством Кирова, в каковое время мое дело находилось в стадии рассмотрения, почему я и обращаюсь именно к Вам.

Конечно, я не представляю из себя именно ликвидируемого класса, поскольку священническое служение продолжается, тем более в словах и мыслях я никогда не был врагом Сов<етской> власти, тем не менее я неожиданно был признан виновным со ссылкой в пределы Казахстана сроком на 3 года, считая со 2-го октября 1934 года, так что я по настоящее время отбыл более половины срока — 1 г<од> 7 мес<яцев>, из них 11 мес<яцев> в тюремном заключении с этапом и 8 мес<яцев> здесь на Мойке, где в неуставной с<ельско>х<охозяйственной> артели (комендатура № 1 по Семиярскому району) состою на работе — сначала на полевых работах и вот уже 7 месяцев в должности конюха, каковую работу нес в самое трудное зимнее время, при суровых морозах, и хотя я не был приспособлен к этой работе (пальцы обморожены и простужены — не гнутся, опухли и мозжат), однако честно и добросовестно веду это дело.

Родился я в семье священника в 1889 году, от роду моего имею 46 лет. Учился в духовном училище и затем в Самарской духовной Семинарии, откуда из 4-го класса в 1905 году был уволен в связи с всеобщей Забастовкой 1905 года. Хотел поступить в гражданское специальное учебное заведение, но за неимением средств у отца остался и по инерции и воле отца в 1908 году поступил псаломщиком, в 1911 году — диакон и в 1917 году по выборному началу — священник. С 1931-го года в должности благочинного в г<ороде> Пугачеве Саратовского края, откуда и был арестован 2 октября 1934 г<ода> и где служил с 1922 года. Состояния бедного, имущества никакого не имею. Никогда не судился, всегда был лояльным к Сов<етской> власти. Если по должности благочинного что и делал в пределах Законной защиты храмов, то это делалось принципиально, напр<имер>, ходатайство во ВЦИК, в Край и проч<ее>. Делал помощь малограмотным сельским церк<овным> органам в деле регистрации храмов (составление форм и проч<ее>), но и это —

предложение Секретаря РИКа, который был завален безграмотными формами регистраций и который вменил мне в обязанность разъяснять и помогать церк<овным> органам в деле регистрации храмов. Входил в ходатайство в Сар<атовский> край по делу неправильного обложения духовенства налогами, но это тоже в пределах закона, и ходатайство было удовлетворено. Более решительно ничего не было.

Обвинение мое состоит в связи с двумя лицами: священниками К. С. Самуиловым и И. И. Заседателевым.

— Самуилов, окончивший семилетку в 1929 году — от роду 21 г<од>, в 1931 году поступил священником в г<ород> Пугачев на место своего отца и, как молодой и горячий человек, сделал мне упрек, что мы, духовенство, забросили дело преподавания Закона Божия детям, распространения религиозной литературы среди народа, ведение религиозных бесед. Я ответил, что все это не разрешается и, как благочинный, предупредил его не устраивать этого, чтобы не делать вреда церкви. Он замолчал и прекратил разговор, однако, по своей молодости и горячности он мог тайно от меня заняться этим делом, почему я доложил своему местному епископу и Саратовскому митрополиту Серафиму Александрову (ныне в Казани), чтобы они тоже поставили его в рамки законного исполнения своих обязанностей, что они и сделали — один устно, другой письменно. После этого Самуилов 3½ года ничего не предпринимал, хотя отношения у нас были натянутыми. Затем оказалось (о чем я узнал в тюрьме), что с начала 1934 года он тайно от меня стал учить детей (по 3-5 человек) Закону Божию, распространять среди народа и молодежи религиозную литературу. После него вскоре арестовали и меня, как я в 1931-м году имел с ним разговор и не донес об этом ОГПУ. По правде сказать, я даже не знал того, что нужно доносить, тем более я дал отпор и принял меры внутренней дисциплины, так что 3½ года эти меры действовали. Вообще, я политикой не занимался, и у меня не было никаких дел с ОГПУ и, как священник, я удовлетворился мерами убеждения и внутренней дисциплины. Это мое первое обвинение. Следствие началось в г<ороде> Пугачеве Саратовского края (следователь Ягубов), который предъявил мне обвинение через 40 дней, что я обвиняюсь по ст<атьям> 58-10 и 11. Через 40 дней следствие продолжалось и закончилось в г<ороде> Саратове (нач<альник> отдела Кирхгоф, следователь Осипов). Все, мною указываемое, находится в материалах моего дела.

— Второе обвинение по делу Заседателева. Это старый священник, бывший противостарообрядческий миссионер, вдовец, живущий в келье совершенно один, человек старый и слабый к вину. От скуки и от привычки всю жизнь работать в данном направлении — он, с прекращением прений со старообрядцами, переключился на подготовку к диспутам в защиту религии, но, как человек малограмотный и неразвитый, — он вызывал только смех и досаду среди духовенства при своих выступлениях на диспутах. Но он этим только и жил и, когда занимался дома своими писаниями, то переставал запивать, и мне было жалко его критиковать и удерживать, хотя я и знал, что его писания нежизненны, очень слабы и малограмотны. Я не мог до конца дочитать его тетрадей на темы: "о божии", "о душе" и проч<ее>, но не имел смелости сказать, что это не годится, из-за его старости, и чтобы он не запивал. Подготовка и выступление на диспутах разрешалось, и я не считал это преступлением и потому тоже не доносил ОГПУ. По ходу следствия я узнал, что он упоминал в своих писаниях имена Карла Маркса и Энгельса или Ленина, становясь в противоречие с ними в религиозных вопросах. Я не знаю этих фактов, он давал мне 2 сочинения — тетрадки — я или не дочитал, или это было в других темах, как у него было 5-6 сочинений.

Брал у него тетради некто Апексимов, бывший священник, ныне начальник тюрьмы в г<ороде> Пугачеве. Мы в разговоре с ним подшучивали над Заседателевым и его писаниями, и я удивлялся, зачем он читает, а тот ответил, что — ничего, что так надо. Однажды он пригласил к себе в гости меня и Заседателева, который был выпимши, и здесь, шутливо подталкивая меня, кричит Заседателеву (он глухой), что его тетрадь надо отпечатать на машинке (как у него жена — машинистка) в 3-х экземплярах, мол, Апексимову для себя, Заседателеву и мне, Амасийскому. Тот принял это за чистую монету и был очень рад, Оказалось, одна брошюрка была отпечатана, кажется, в одном экземпляре, и послужила материалом для НКВД. Я на следствии в Саратове следователю Осипову рассказывал, как было дело, и просил вызвать Апексимова для удостоверения моего отношения к писаниям Заседателева, но протокол был написан не так, а будто Заседателев предложил, а я подтвердил. Шутливо предложил Апексимов, я так показывал в присутствии другого свободного следователя Кощева, но протокол был написан по-другому, и когда я запротестовал, мне Осипов сказал, что это все равно, меня это не касается, что будет открытый суд в Саратове, и там я скажу, как было дело, и я по неопытности подписал. При окончании следствия мне тоже не было возможности ознакомиться и проверить материалы дела за недосугом следователя и, по его словам, что меня через 2 дня отпустят, и что я буду выступать на суде, как свидетель. Оказалось, дело рассматривалось Особым Совещанием в Москве. Следователь Осипов при конце следствия словесно, но официально мне заявил, что я обвиняюсь по ст<атье> 58-12, что пункты 10 и 11 отпадают, тем не менее я уже в Алма-Ате узнал, что у меня по суду обвинение по ст<атье> 58-10.

Посему почтительно прошу Вас рассмотреть мое дело и войти с своим ходатайством в НКВД о моем досрочном освобождении, как признанную судом мою вину я уже искупил за период тюремного заключения и работою в с<ельско>х<озяйственной> артели, о чем я буду ожидать Вашего благосклонного извещения.

Арестован я 2 октября 1934 г<ода> в г<ороде> Пугачеве Саратовского края, приговор зачитан мне 10 апреля в г<ороде> Саратове. 1936 года апреля 25 дня.

Амасийский Николай.

Адрес: Семипалатинская область,
п<очтовое> о<отделение> Семиярск, поселок "Мойка".
Амасийскому Николаю Николаевичу¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1531. С. 235-239. Автограф.